

Валерия Чернованова

ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ
ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ. ЦВЕТОК ИЗ ПЛАМЕНИ
ПОХИЩЕННАЯ, ИЛИ КРАСАВИЦА ДЛЯ ЧУДОВИЩА

ВО ВЛАСТИ ПЛАМЕНИ

КОРОЛЬ ЖЕЛАЕТ ЖЕНИТЬСЯ

НЕВЕСТА СТАЛЬНОГО ПРИНЦА

ЗАМУЖ ЗА КОЛДУНА, ИЛИ ЛЮБОВЬ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

ТРЕБУЕТСЯ НЕВЕСТА, ИЛИ ОХОТА НА СВЕТЛУЮ

В соавторстве с Мариной Эльденберт

МЕЖМИРОВАЯ няня, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ няня, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерия Чернованова

Требуются невеста,
или Охота на светлую

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-49

Серия основана в 2011 году
Выпуск 575

Рисунок на переплете и фронтиспise
Е. Никольской

Иллюстрации
Е. Метлиновой

Чернованова В. М.

Ч-49 Требуется невеста, или Охота на светлую: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 409 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3171-7

Темным нельзя говорить «нет» — может быть чревато последствиями.

Темным нельзя перечить — они этого не приемлют.

Я знала эти прописные истины с детства, равно как и то, что с темными лучше не связываться, следует держаться от них подальше. Но я связалась... И теперь мне придется держаться поближе к одному из братьев Хорос — самых могущественных темных Грассоры.

Пока один из Хоросов завлекает меня в свои сети, другой пытается понять, кто я такая. А я пытаюсь выбросить его из своей головы и уж точно не позволю ему проникнуть в свое сердце.

Ну, во-первых, потому что он темный.

А во-вторых, у него есть невеста.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чернованова В. М., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3171-7

ГЛАВА 1

Эления

Дробь каблуков, шорох разъезжающихся дверей — и в офис стремительно входит Норра. Обычно она проплывает от лифтов к своему рабочему месту, плавно покачивая бедрами (к слову, там есть чем покачивать и на что обращать внимание), но не сегодня. Запыхавшаяся и покрасневшаяся, с сейтом под мышкой, она останавливается посреди офиса, набирает в легкие побольше воздуха и взволнованно выдыхает:

— Гаранор Хорос женится!

На миг или два все замирают. Эрминия перестает щелкать по клавиатуре острыми ноготками, Хайме едва не выплевывает на экран крепкий брул, которым заливается с утра до ночи. Лина и Фино округляют глаза, а я откидываюсь на спинку кресла и замечаю, как со своего места поднимается Акилла, быстро преодолевает расстояние до дверей и, толкнув их, невозмутимо говорит:

— Эления, зайди ко мне.

— Он только-только сообщил об этом прессе, и я сразу сюда помчалась. Даже брул не успела для вас взять, сонора Кришон, — обернувшись к начальнице, оправдывается секретарша, потрясая в воздухе сейтом, на экране которого высвечивается фотография Хороса и его новоиспеченной невесты.

Красивая пара. Будущий правитель Грассоры и наследница многомиллионного состояния.

— Ничего страшного, потом сходишь, — успокаивает Норру начальница, а мне взглядом приказывает поторапливаться.

Возвращается в кабинет, прозрачные стены которого становятся матовыми, скрывая нас от любопытных взглядов. Акилла опускается в кресло, я останавливаюсь возле письменного стола, ожидая ее распоряжений. Примерно представ-

ляю, что сейчас от меня потребуют, и уже заранее начинаю нервничать.

— Ты отправишься к сонорине Сольт и убедишь ее, что организацией свадьбы века должно заниматься именно наше свадебное агентство.

«Фелисидад» — успешная компания, которой вот уже двадцать лет управляет Акилла Кришон, моя начальница. Но таких успешных компаний по организации свадеб в Кадрисе десятки, если не сотни. И, к слову, наша не самая крупная, не самая известная... В общем, не самая. А я, к слову, не хочу соваться к темным.

Последние два года я успешно избегала любых контактов с высшими Грассоры и планировала продолжать в том же духе.

— Но на мне сейчас и так две свадьбы, а у Фино ни одного заказа. Лучше отправьте его. С его-то обаянием... — бойко начинаю я.

Но Акилла меня прерывает. Раздраженно взмахивает рукой, словно отгоняет от себя назойливую мошку, и чеканит:

— К невесте сонора Хороса отправишься ты. А твои заказы возьмет Фино.

— Но...

— Эления, ты же понимаешь, как это для нас важно, — подаваясь вперед, шурится начальница. Не люблю этот ее прищур — обычно он не сулит ничего хорошего тому, кому адресован. — Как это важно для меня. Да и для тебя в общем-то тоже. Ты ведь не хочешь вдруг остаться без работы?

Акилла — обычный человек, низшая, но иногда, вот как сейчас, мне начинает казаться, что у нее в родословной отметилась какая-нибудь фея. Она умеет убеждать. А еще давить и заставлять. Грозиться, в конце концов, увольнением. Но мне сейчас работу терять никак нельзя. Нам с Литой она жизненно нужна.

— Я одна из ваших лучших сотрудниц, — осмеливаюсь напомнить. — Вам невыгодно меня увольнять.

— Нет, не так, — качает головой начальница. — Ты не одна из лучших, ты лучшая. Поэтому именно тебе и должен достаться этот заказ. И вознаграждение за него будет соответствующее. Лучшее. — Она опускает взгляд на экран сайта и рисует на нем цифру, от которой мне становится плохо.

Или очень хорошо. Станет. Когда я ее получу.

Если, конечно, получу.

— Почему вы уверены, что сонорине Сольт понравятся мои предложения?

— Потому что, если она начнет артачиться, ты всегда можешь воспользоваться своим даром, — хитро улыбается Акилла, и я вздрагиваю, почти физически ощущая, как ее взгляд скользит по тонким металлическим пластинам, пересекающим мои виски.

— На мне блокаторы. И я не имею права.

— В этом и заключается твоя уникальность, дорогая, — расплывается в улыбке начальница. — Ты умеешь пользоваться даром, невзирая на эти вживленные в тебя штуковины. Я это точно знаю. Иначе как бы ты получила договор с Гомаро на многомиллионную свадьбу? После того как они нам отказали. Дважды.

С силой сжимаю зубы, хоть очень хочется ругаться в голос. Это был очень выгодный контракт, а я тогда сильно нуждалась в деньгах. Рискнула. Воспользовалась запечатанной во мне силой. Было больно, но я справилась. К счастью, низший ни о чем не догадался.

Зато догадалась Кришон.

Проклятье!

— В общем, не будем больше терять время, Эления. Отправляйся к счастливой невесте и возвращайся с положительным ответом. Думай о том, сколько заработаешь. А я от себя еще добавлю премию.

На экране появляется еще одна цифра. Далеко не такая внушительная, но такая же необходимая.

Такую роскошь, как потеря работы, я не могу себе позволить, поэтому придется соглашаться. В конце концов, Фелисия Сольт — обычный человек, и все организационные вопросы я буду решать с ней, а не с ее женихом. Гаранор Хорос — очень занятой мужчина, а скоро, с началом предвыборной кампании, он будет занят еще больше. Вряд ли у него найдется время на выбор посуды и дегустацию закусок. А значит, будем только я и Фелисия.

Это немного успокаивает, и я обреченно киваю:

— Хорошо, я согласна. — После короткой паузы добавляю: — Но премию вы мне выпишете уже сегодня.

— Как только скинешь мне подписанный договор, премия будет твоя, — светится от счастья Акилла.

Сказав это, переключает все свое внимание на экран настольного сейфота, давая понять, что разговор окончен. Я разворачиваюсь к двери, продолжая настраивать себя на позитив.

Но весь позитив исчезает на парковке, когда на сайт приходит очередной приказ от Кришон: «Отправляйся к Хоросам. Я узнала, Фелисия сейчас у них».

Закрываю глаза, чтобы избавиться от стоящего перед глазами сообщения начальницы, и снова испытываю горячее желание грязно выругаться. Грязно ругающаяся фея — то еще зрелище, но мне не оставили выбора.

И я ругаюсь, проклиная всех темных в целом и братьев Хорос в частности. Особенно старшего, который именно сейчас надумал жениться!

Аэрокар соскальзывает с крыши, стремительно набирая скорость. Я очень внимательный и осторожный водитель, но сегодня вливаюсь в поток машин на полной скорости, даже этого не замечая. Можно подумать, мне не хватает драйва...

Пальцы подрагивают, путаются мысли. Откуда Кришон узнала, что Фелисия сейчас у Хоросов? Пропустят ли меня к ней или сразу развернут обратно? Сколько еще таких, как я, девиц в строгих деловых костюмах сейчас мчится осаждать особняк будущего правителя?

То, что на выборах победит Хорос, ни у кого не вызывало сомнений. Его противники не пользуются особой популярностью среди народа. К тому же Гаранор чуть ли не с младенчества в политике, а его семья — одна из наиболее влиятельных семей Грассоры, их капиталов хватит на тысячи предвыборных кампаний. Меценаты, предприниматели, владельцы крупного медийного холдинга и сети десятизвездочных отелей, разбросанных по всему миру. Все это про Хоросов.

Что еще я знаю об этих темных?

Недавно старшему брату исполнилось тридцать четыре. С Фелисией Сольт они вместе уже два года. Заявление о том, что Гаранор созрел для женитьбы, вполне ожидаемо. Это хорошо скажется на его рейтингах как кандидата. Грассорцы привыкли видеть во главе государства добропорядочного семьянина.

Младшему, Ксанору, не то двадцать семь, не то двадцать восемь. После смерти отца он должен был возглавить гостиничный бизнес, но пока что всеми делами семьи занимается стар-

ший Хорос. Почему — без понятия. Жизнь сильных мира сего меня уже давно не занимает.

Напомнив себе, что я в аэрокаре, а не на прогулке в парке, ухожу с верхней магистрали, осторожно опускаясь на среднюю. Здесь спокойнее. И безопаснее. Для тех, кто только недавно научился водить. К тому же мне совсем не хочется спешить. Наоборот, лучше бы опоздать. Вдруг именно сейчас Фелисия принимает решение заключить договор с каким-нибудь другим свадебным агентством. Стоит ей поставить подпись, и никакие магические дары тут уже не помогут.

И что бы там Кришон ни говорила, она не станет меня увольнять. Я ей за последние полтора года столько денег принесла.

Позади остается центр города — деловое и административное сердце Кадриса, отмеченное светящимся контуром. Далее идут элитные районы, в которые нельзя опускаться без специального допуска. У меня такой есть, потому что многие клиенты нашего агентства — состоятельные или же очень богатые люди.

Мы с Литой живем за четвертым контуром, но с обещанной Кришон премией можно будет всерьез задуматься о переезде за третий. Куда-нибудь поближе к детской больнице святой Эдельмиры, потому что если Лита...

Я тут же отгоняю от себя тревожные мысли и, следуя указаниям навигатора, поворачиваю вправо, а пролетев еще несколько кварталов, нахожу взглядом городскую резиденцию Хоросов. Такую, даже если очень постараться, пропустить не удастся. Старинное здание из серого и бежевого камня с темной черепичной крышей. Огромные окна обрамлены черными рамами, две широкие лестницы по краям фасада уводят на просторные террасы. Бассейн так и манит своей голубой прохладой, а зеленый сад — спасительной тенью.

Впрочем, нет! Единственное, что способно заманить меня в дом к темным, — это обещание крупной премии и угрозы хозяйки агентства. Я уже давно отвыкла от роскоши, оставила все в прошлом. К которому больше никогда не вернусь и возвращаться не хочу.

У ворот темным рядком стоит около дюжины аэрокаров. Служебные машины вроде той, с которой я последние несколько месяцев пыталась подружиться. Едва успеваю приземлитель-

ся, как от стены отделяется охранник, крупный бритоголовый детина, и подходит ко мне.

— К сонорине Сольт? — интересуется он бесцветно.

Киваю и в свою очередь вежливо представляюсь:

— Меня зовут Эления Лэй. Свадебное агентство «Фелисидад». Сонорина Сольт сможет меня принять? — Протягиваю ему правую ладонь, с которой охранник считывает сканером мой персональный код.

Отступает и ждет, пока дверца аэрокара мягко отъедет в сторону, чтобы потом помочь мне выйти из машины.

— Сможет, но вам придется подождать. Следуйте за мной, сонорина Лэй.

Следовать мне за ним никуда не хочется, но сбежать сейчас означает рискнуть работой и остаться без премии.

Третий контур, Ленни. Думай о районах за третьим контуром, таких спокойных, таких зеленых. Лите там понравится. И не придется каждый день тратить по часу, чтобы добраться до агентства и обратно. Вряд ли Хорос посреди рабочего дня будет торчать дома. Скорее всего, он сейчас в своем офисе, а значит, мне не грозит встреча с этим темным. Главное, чтобы и его брата не оказалось дома.

В общем, прочь из головы все мысли о темных и за работу!

Организую я этому высшему и его невесте свадьбу века. Кто как не феи лучше всего разбираются в этом деле?

Говорят, феи так же хорошо разбираются в любви. Но, как оказалось, в любви я совершенно не разбиралась.

За свою недолгую жизнь длиною в двадцать три года я повидала немало роскоши, но сейчас мне банально хочется открыть рот. Здесь все идеально, начиная от фигурно подстриженных кустарников и заканчивая мощеными дорожками, уводящими к лестницам парадного входа. Они изгибаются дугами старинного лука, уводя на террасы второго этажа. Меня же приглашают пройти на первый, через широкие стеклянные двери. В холл, в котором маются от нетерпения одиннадцать девушек — обладательниц припаркованных у ворот аэрокаров.

Меня они встречают легкими полуулыбками, совершенно искусственными, как будто приклеенными к каменным лицам. Даже с блокаторами я ощущаю их чувства: прямо с порога в меня плещет раздражением и враждебностью. Но на лицах девушек эти эмоции никак не проявляются. Я киваю им, они ки-

вают мне в ответ. После чего секьюрити предлагает мне занять свободное место на диванчике рядом с грудастой блондинкой, сосредоточенно водящей пальцем по экрану сейта.

Заняв предложенное место, коротко улыбаюсь блондинке и бросаю осторожный взгляд на лестницу, мраморные ступени которой ведут на второй этаж, и снова невольно напрягаюсь. Темные чувствуют таких, как я: наш запах, всю нашу суть. Жаль, мы не можем чувствовать их, иначе бы я точно знала, здесь ли сейчас находятся братья.

Эта неизвестность будоражит и немного пугает.

Я, конечно, законопослушная фея и тем не менее предпочитаю избегать даже малейшего внимания со стороны темных. Сейчас мы живем с ними в мире. Не то что три столетия назад, когда феири (так когда-то звались светлые) безжалостно выслеживали и уничтожали. Устраивали на нас самую настоящую охоту. Больше всего темным нравилось охотиться на фей, которых они отлавливали, ломали им крылья и превращали в свое постельное развлечение, пока не надоест. А когда надоедало, от фей без сожаления избавлялись.

Благо сейчас на дворе цивилизованный двадцать второй век, а не сумасшедший девятнадцатый. Но этот страх, страх перед высшими, до сих пор жив. Мы рождаемся с ним, он словно яд с младенчества отравляет нашу кровь.

— Сонорина Лэй, прошу.

Отвлечись на мысли о давно ушедшем прошлом, не сразу понимаю, что подошла моя очередь быть представленной будущей первой соноре Грассоры. Подошла, к слову, очень быстро, Фелисия почему-то решила пообщаться со мной прежде других претенденток на деньги Сольтов и Хоросов.

Провожаемая недовольными взглядами, я слеую за помощницей новоиспеченной невесты и прохожу в уютную гостиную. Фелисия сидит на диванчике и листает настоящий раритет — гляцевый журнал со свадебными платьями... кажется, еще прошлого столетия.

Хм...

Заслышав шаги, она вскидывает взгляд, и я сразу окунаюсь в тепло ее глаз. Цвета лесного ореха или молочного шоколада, который я так обожаю. Волосы оттенка молотой корицы уложены аккуратной волной, струящейся по покатоуму плечу. Ей очень идет бирюзовое платье с юбкой, ниспадающей крупными складками. Фелисия напоминает мне модель со страни-

цы того журнала, который она только что с таким вниманием изучала.

— Сонорина Лэй, рада с вами познакомиться. — Она поднимается и, тепло улыбаясь, протягивает мне раскрытую ладонь.

В отличие от девушек в холле, улыбка невесты Хороса искренняя и светлая. Думаю, с ней будет приятно работать. По крайней мере, Фелисия не производит впечатления проблемной клиентки.

Если бы еще у нее в женихах не было темного...

Мысленно велев себе сосредоточиться на здесь и сейчас, пожимаю руку потенциальной работодательницы.

— Спасибо, что согласились уделить мне время, сонорина Сольт, — вежливо улыбаюсь в ответ и благодарно киваю, когда меня приглашают устраиваться на диванчике.

— Нечасто мне приходится встречаться со светлыми, а уж с феями... Вы ведь фея? — тщетно стараясь побороть любопытство, интересуется Фелисия.

— Она самая.

— Вас так мало осталось, — вздыхает девушка.

«Это потому, что три века назад нас перебили высшие вроде вашего жениха», — мысленно отвечаю я, а вслух соглашаюсь:

— Да, в Кадрисе фей немного.

Лично я ни с одной не знакома.

Хотя я вообще мало с кем знакома и почти никуда не выбираюсь. Вся моя жизнь — это Лита и работа.

— Меня всегда интересовало, как вы умудряетесь прятать под одеждой крылья, — задумчиво бормочет Фелисия. — А главное, зачем? — поднимает на меня взгляд.

— Среди светлых до сих пор считается неприличным выставлять их напоказ, — отвечаю я, осторожно подбирая слова.

— Для вас это как обнажиться на публике?

Киваю:

— В прошлом крылья феи могли видеть только ее близкие. А мужчина, с которым она связывала свою жизнь, достаивался этой чести только в первую брачную ночь. Знаю, что для некоторых светлых наши традиции — это пережиток прошлого, но я их чту.

— Как интересно... И вы работаете в свадебном агентстве? — зачем-то уточняет невеста темного.

— Скорее не работаю, а посвящаю себя любимому делу, — бодро подхватываю я и с упоением продолжаю: — Для меня подготовка к свадьбе является своего рода священным ритуалом. Каждая свадьба — уникальное событие. Каждая пара — особая и неповторимая. Главное для меня, для «Фелисидаде», наполнить месяцы до торжества незабываемыми мгновениями, а саму свадьбу сделать такой, чтобы о ней долгие годы вспоминали с улыбкой на губах и теплом в сердце.

Фелисия слушает меня внимательно, с интересом, и я, ободренная ее реакцией, начинаю делиться с ней своими идеями. Говорю взахлеб, потому что действительно люблю свою работу. Люблю делать людей счастливыми, даже темных, хоть последние практически к нам не обращаются. К счастью.

Вижу, что Фелисии нравятся мои предложения, вижу, что она действительно заинтересована, и уже в мыслях подыскиваю квартиру за третьим контуром, когда сонорина Сольт неожиданно меня прерывает и огорошивает словами:

— Благодарю, сонорина Лэй. Меня заинтересовали некоторые ваши идеи, и я обязательно рассмотрю вашу кандидатуру на роль свадебной распорядительницы. Но, должна сказать, у других агентств предложения тоже очень интересные. В любом случае в ближайшие дни с вами свяжется моя помощница и сообщит о моем решении.

Фелисия поднимается, протягивает мне руку, намекая, что мое время вышло и нам пора прощаться. С трудом заставляю себя оторваться от дивана, понимая, что ее слова — фактически отказ. Уж не знаю, кто и что ей успел предложить до меня, но я не могу вернуться в офис вот с этим: «с вами свяжется моя помощница». Акилла меня по стенке размажет или под воздействием эмоций и правда уволит. К сожалению, она из тех, кто слов на ветер не бросает и решений никогда не меняет.

А я из тех, кому хочется не на улицу, а за третий контур!

У меня ребенок и куча счетов из больницы, а значит... Отбросив последние сомнения, улыбаюсь и касаюсь протянутой холеной ладонки. Виски вспарывает боль. Такая, что хочется завопить в голос. Но я сжимаю плотнее зубы и продолжаю улыбаться, влияя на эмоции Сольт, перекраивая их по своему желанию.

Смотрю ей прямо в глаза, концентрируюсь только на ней и поэтому не сразу замечаю, что в комнате становится сумрачно, что сгустки тьмы, появившиеся словно из ниоткуда, стягива-

ются в некое подобие человеческой фигуры. А в следующее мгновение жесткие мужские пальцы с силой сжимаются на моем запястье.

ГЛАВА 2

Гаранор

— В два у вас обед с сонором Сабасом, на четыре назначена пресс-конференция в Гранд-холле, вечером ужин с сонориной Сольт и ее родителями.

Камила дежурно озвучивает расписание на остаток дня, я дежурно делаю вид, что внимательно ее слушаю, а сам думаю о том, где йорги опять носят Ксанора. Вчера он пропустил встречу с инвесторами (видимо, решил, что отель на Майкоре сам собой построится), сегодня не явился на собрание совета директоров.

Хотел бы я знать, в какой дыре он застрял на этот раз и когда соизволит вытряхнуть из нее свой зад.

— Завтра в десять вас ждут в Палате соноров, а потом... — Секретарь запинается, замечая, что я не обращаю на нее внимания. — Сонор Хорос, мне продолжать? — спрашивает несмело, перекатывая в пальцах стилус.

Поднявшись с кресла, я подхожу к окну. Вдалеке за кованой оградой виднеются припаркованные аэрокары.

— У нас гости?

— Представители свадебных агентств, насколько мне известно, — отвечает Камила.

Усмехаюсь. Среагировали быстро. Что ж, удачи Фелисии.

Возвращаюсь обратно, бросаю взгляд на секретаршу, и она тут же опускает голову, сосредотачиваясь на экране сейта. А я пытаюсь сосредоточиться на голосе Камилы, но понимаю, что мне сейчас не до ее голоса. Этот запах... Приторный, сладкий. Резко втягиваю носом воздух.

Светлый. Здесь. В этих стенах.

Или скорее светлая. Уж слишком сладко пахнет. Что-то такое ванильно-карамельное, словно ко мне в дом притащили огромную конфету. У каждой феи свой особый аромат, и у этой он слишком яркий. Слишком... вызывающий.

Да, вот оно, подходящее слово.

Ксанор вернулся домой со шлюхой-светлой? Нет, о возвращении братца мне бы сразу доложили. Значит, это к Фелисии. Одна из «представителей свадебных агентств»? Снова не могу сдержаться усмешки. Еще не хватало, чтобы моей свадьбой занималась какая-нибудь фея.

— Сонор Хорос, может, мне зайти попозже? — напоминает о своем существовании секретарша, и я возвращаюсь в реальность, хоть никак не получается отделаться от этого запаха.

Даже появляется желание пойти взглянуть на его обладательницу. Отгоняю от себя эту мысль и приказываю Камиле продолжать.

Выходные в Аликантаре? Почему бы и нет?

Общение с родственниками Фелисии? Что ж, придется перетерпеть.

Игра в кроппер с Бельтраном? Я его легко уделаю.

Если до всего этого меня не посадят за убийство Хороса-младшего.

Мысли с этого чудовища, брата, незаметно перескакивают обратно на фею. Боги, как же сладко она пахнет. Неудивительно, что наши предки подсаживались на них, как на какой-нибудь наркотик. А хотя... я ведь встречался с феями и раньше, но что-то не припомню, чтобы меня так прошибало.

Может, никакая это не фея, а духи, симулятор, которыми облилась одна из явившихся к Фелисии девиц? Запах меня отвлекает, раздражает, сбивает с рабочего настроения.

Да когда же она отсюда уберется?!

Отсылаю секретаршу, тянусь за сигарой. До обеда с Сабасом еще час, так что можно расслабиться. Надеюсь, дыму удастся перебить этот запах, пока он окончательно не въелся в стены моего дома и не протравил мне все легкие.

Я так и не успеваю раскурить сигару. Ощущение инородной магии буквально прошивает меня насквозь. Пара секунд, и я уже внизу, вижу, как маленькая крылатая дрянь воздействует на мою невесту. И даже блокаторы ей не мешают.

Какого йорга?!

Хватаю девчонку за руку и рывком подтягиваю к себе, разрывая связь между ней и Фелисией.

Первые мгновения ни та, ни другая не понимают, что здесь сейчас произошло. А потом у феи включается мозг, глаза ее расширяются (красивые, к слову, глаза: большие, пронзительно-синие), а с лица сходит краска. Пытается вырваться, от-

толкнуть, даже ударяет меня в грудь — не потому, что такая смелая, а потому, что умирает от страха. Отпускаю, и она отскакивает от меня чуть ли не в другой конец комнаты. Напуганная, съезжившаяся, сейчас она очень похожа на нашкодившего звереныша.

Очень сильно нашкодившего.

И очень сильно меня разозлившего.

— Гаранор, ты меня напугал, — нервно улыбается Фелисия, переводя растерянный взгляд с меня на девчонку и обратно.

— Не представишь мне свою гостью? — разрываясь между желанием не дышать и вдохнуть поглубже заполнивший комнату аромат, прошу я.

— Это сонорина Лэй. Она из свадебного агентства «Фелисидад». Я ведь не перепутала название? — растерянно обращается к фее Фелисия.

Она все еще под воздействием. Это видно по мутному взгляду и глуповатой, немного рассеянной улыбке.

На кой йорг нужны блокаторы, если они вообще ничего не блокируют?!

Фелисия не понимает, что с ней произошло. И не поймет. Если бы воздействие было сильным, агрессивным, она бы еще могла что-то почувствовать — слабость, недомогание, головную боль. Но девчонка действовала аккуратно, можно сказать, филигранно. Чего добивалась? Надо будет выяснить. И разобраться, откуда взялась в Кадрисе эта сверх меры одаренная крылатая.

— Мы с сонориной Лэй обсуждали наше возможное сотрудничество, — тем временем просвещает меня Фелисия. — Меня очень заинтересовали ее предложения, и я бы хотела, чтобы именно она занялась организацией нашей свадьбы.

Фея продолжает молчать. Только смотрит на меня своими большими синими глазами, в которых плещется страх... и продолжает пахнуть так, что у меня у самого вот-вот случится помутнение в мозгах.

После слов невесты становится ясно, чего добивалась эта Лэй. Фелисия никогда не принимает поспешных решений. Она будет думать, выбирать, сравнивать до последнего, пока точно не будет уверена, *что* для нее самое лучшее. В этом мы с Сольт похожи. Я такой же. Не люблю спешки в принятии важных решений.

В отличие от Ксанора, который живет одним днем и которому плевать на всех и все.

— Прежде чем подписывать контракт с «Фелисидадом», я бы хотел побеседовать с сонориной Лэй наедине.

Девчонка бледнеет еще сильнее, рискуя слиться цветом лица со своей блузкой, верхние пуговицы которой провокационно расстегнуты, и я невольно цепляюсь взглядом за серебряный кулон в виде полумесяца. Просто побрякушка или знак принадлежности? Интересно, из какого она рода?

— Как скажешь, дорогой, — послушно соглашается невеста.

Послушание — одно из тех качеств в людях, которые я ценю превыше всего. Оно и многие другие достоинства Фелисии делают ее идеальной спутницей жизни.

Надо почаще себе об этом напоминать. Может, тогда взгляд не будет цепляться за пуговицы на чужих блузках и всякие побрякушки в вырезе этих самых блузок.

— Пройдемте со мной, сонорина Лэй, — говорю светлой.

Девчонка прижимает ладони к узкой облегающей юбке, пытаясь сдержать дрожь в пальцах. Понимает, где может закончиться этот разговор — в управлении полиции. Что ж, может, туда я ее и отправлю. После того как сам с ней разберусь.

Если она раньше не потеряет сознание от страха.

— Сонорина Лэй, — распахиваю перед светлой дверь, предлагая ей скорее выметаться.

— Следую за вами, сонор Хорос, — скрипит зубами девчонка.

Отводит взгляд в сторону, едва не вжимается в дверь, всем своим видом показывая, что лучше расплющится о створку, чем случайно меня коснется. А я не спешу освобождать ей пространство для маневров, комфорт феи — не моя забота.

Стоит нам оказаться за дверью, как в комнату заскакивает помощница Фелисии — невысокая суетливая девушка с лицом, усыпанным веснушками.

— Надеюсь, вы уже придумали хоть какое-нибудь объяснение своей выходке. Если нет, у вас осталась от силы пара минут, чтобы это сделать, пока мы не поднялись наверх.

— Не понимаю, о чем вы, — на удивление спокойно заявляет девчонка.

От такой наглости я даже сбиваюсь с шага. Останавливаю и поворачиваюсь к ней:

— Ты серьезно собралась играть со мной в эти игры, крылатая?

На бледных щеках вспыхивает румянец не то негодования, не то стыда. Впрочем, вряд ли последнее — взгляда она больше не отводит, смотрит прямо в глаза. Во мне снова разгорается раздражение. Не в том ты положении, девочка, чтобы строить из себя оскорбленную невинность. Но я не успеваю вложить эту простую истину в ее маленькую хорошенькую, но далеко не смышленную головку. На другом конце коридора показывается Камила, явно чем-то взволнованная.

Быстро приблизившись, она шепчет мне на ухо:

— Сонора Хороса только что привели.

Привели?

Мысленно выругавшись, понимаю, что мне сейчас не до феи и не до ее никчемных попыток приобщиться к такому знаменательному событию, как свадьба будущего правителя Грасоры.

— Можете идти, сонорина Лэй, — коротко бросаю девчонке и предупреждаю: — Чтобы я вас возле своей невесты больше не видел. Вам все ясно?

Светлая застывает на миг, а потом сдержанно кивает:

— Думаю, так будет лучше для всех, — давая понять, что так будет лучше в первую очередь для нее и что ей не терпится оказаться от меня на другом конце света.

— Вас проводят, — подзываю охранника.

Передав ему выскочку-фею, направляюсь вместе с Камиллой к лестнице. При виде нас явившиеся к Фелисии девицы напряженно замирают. Окидываю их быстрым взглядом и, убедившись, что все они низшие, поднимаюсь вместе с секретарем наверх.

— Я хочу, чтобы ты навела справки о той светлой. Элени Лэй. Свадебное агентство «Фелисидад». Успеешь к вечеру?

— Все сделаю, — заверяет меня помощница. — Сонор Хорос ждет вас в вашем кабинете.

Мысленно уговаривая себя оставаться спокойным, насколько это вообще возможно, иду разобраться с чудовищем.

Чудовище, по досадной случайности являющееся моим единокровным братом, сидит развалившись в кресле и явно страдает похмельем. Темные почти не пьянеют, но Ксанору и в этом удастся отличиться. Не раз его возвращали домой в невменяемом состоянии. К счастью, сейчас Ксанор вмняем.

Если так вообще можно выразиться о Хоросе-младшем.

— И нянька уже тут как тут. — Брат откидывается в кресле и салютует мне бутылкой минералки.

— Ты пропустил две важные встречи, — сразу перехожу я к делу.

Нет смысла читать ему мораль, как и пытаться вправить мозги. Такого легче прибить, чем образумить и заставить навести порядок в том бардаке, в который он превратил свою жизнь.

— Главное, что *ты* на них был. — Ксанор залпом опустошает бутылку минералки, бросает ее в ведро и заводит руки за голову. — Все порешал, все урегулировал. Еще упреки будут?

— Тебя кто-нибудь видел?

— Я бы не отказался от конкретики, — скалится братец. — Кто? Где? Когда? Вот, например, прошлой ночью меня видели две светлые. Всего и полностью, в... хм, мельчайших подробностях.

Не успеваю спрятать эмоции, морщусь, и Ксанор ухмыляется. Я никогда не понимал его болезненной увлеченности феями, но у брата в голове намешано столько дерьма, что удивляться тут нечему.

Благодарить за это следует моего отца. За его интрижку с секретаршей, за служебный роман, как в каком-нибудь дешевом сериале. Низшая залетела, и папаша не придумал ничего лучшего, как признать ее приплод своим законным сыном, да еще и отписал ему половину семейного бизнеса.

Видите ли, ему было мало одного наследника.

Так я превратился в наседку.

Чтобы передавать силу своему потомству, темные выбирают в спутницы жизни низших. Они, что пустые сосуды — вливаешь в них родовую магию, они передают ее детям. Темный дар проявляется только в мальчиках, в девочках если и просыпается, то быстро их убивает. К счастью, современная медицина решила эту проблему — последние полтора века у темных не рождалось дочерей.

Современная медицина, к слову, помогает также решать проблему незапланированной беременности. Жаль, папаша в свое время об этом не вспомнил.

То, что темные женятся на низших, не означает, что для продолжения рода подойдет любая шлюха. Потенциальную мать будущих темных тщательно проверяют, и, если девушка не проходит проверку, с ней прощаются. Моя мать прошла проверку, ее прошла Фелисия. У нас с ней будут хорошие дети.

А вот в случае с Ксанором вышел прокол. Он рос слабым, болезненным ребенком, и сила его едва не убила. Он поздно научился ее контролировать, да и сейчас иногда случаются неприятные сюрпризы. Впрочем, Ксанор сам по себе один большой неприятный сюрприз.

— Я говорил о прессе. В ближайшие месяцы журналисты будут следить за каждым нашим шагом, и мне важно, чтобы ты вел себя нормально.

— Нормально — это как?

— Не как ты обычно себя ведешь.

Я опускаюсь на край письменного стола и скрещиваю на груди руки. На всякий случай. Ладони так и чешутся вмазать Ксану за то, что я вынужден выполнять еще и его работу, за то, что на него никогда нельзя положиться. За то, что вокруг него плодятся скандалы с такой скоростью, словно он какая-нибудь актриска-алкоголичка. Его поведение может нанести ощутимый удар по моей карьере. Особенно сейчас, в преддверии выборов.

— Добрый, заботливый братец. — Улыбка брата больше напоминает оскал недобитой дворняги. — Ты, как всегда, в своем репертуаре. Единственное, что тебя волнует, — это ты, твоя драгоценная личность с кристально чистой репутацией и твоя выдающаяся жизнь.

— Меня и твоя волновала. Раньше. Но если тебе самому на нее плевать...

— Все, я пошел. — Ксанор нетерпеливо вскакивает с кресла.

Хватаю его за плечо, останавливаю, сжимаю пальцы. Наверное, сильнее, чем следовало бы. Брат кривится и раздраженно спрашивает:

— Что еще?

— Больше не пропадай и будь добр, делай свою работу, пока я не позаботился о том, чтобы у тебя не осталось ничего.

— И как же ты, интересно, это сделаешь? — ухмыляется братец. — Сотрешь мое имя из завещания волшебным ластиком? — Он сбрасывает мою руку, а на меня снова накатывает злость, которая еще до конца не отпустила после знакомства с той крылатой выскочкой.

В последний момент останавливаюсь у черты, которую еще никогда не переступал. Никогда не бил брата, хоть порой от желания хорошенько ему врезать темнеет в глазах.

У самых дверей Ксанор замирает и шумно втягивает носом воздух:

— Мм... феячьим духом пахнет. Решил развлечься перед тем, как поставить крест на своей жизни? Это я о женитьбе. Горячо поддерживаю! Поделишься контактом? Думаю, мне такая тоже понравится.

— Иди проспись.

— Жадина. А Фели знает? Впрочем, она же тебя поддерживает во всех твоих начинаниях и, уверен, возражать не станет.

— Иди. Проспись, — цежу сквозь плотно сжатые зубы.

Ксанор поднимает в примирительном жесте руки и уходит. Постепенно его шаги стихают в коридоре, вот только в душе у меня никак не стихает злость на брата.

Раскуриваю сигару, оставленную в пепельнице, и немного успокаиваюсь, но все равно продолжаю думать об этом геморрое и о том, как поведение Ксанора может отразиться на грядущих выборах. В последнее время он стал неуправляем, никто не может его обуздать, даже я. Если только...

Еще один дефект Ксанора... ладно, его особенность — он не чувствует чужую магию. Совсем. В этом он неотличим от низших.

А еще он сходит с ума по светлым...

Вызвав Камилу, возвращаюсь в кресло и с нетерпением жду свою помощницу. Та появляется почти мгновенно, бесшумно проскальзывает в кабинет и замирает у дверей с сейтом в руках.

— Как только соберешь информацию о Лэй, сразу скидывай ее мне, — напоминаю на всякий случай. — И еще, отмени ужин с Сольтами, у меня на вечер появились планы.

— Мне стоит внести их в ваше расписание?

— Нет, это личное, — прерываю Камилу и отпускаю, возвращаясь мыслями к крылатой устроительнице свадеб.

ГЛАВА 3

Эления

Он меня отпустил.

Нет, не так!

Он. Меня. Отпустил.

«Можете идти, сонорина Лэй».

Когда я это услышала, то не поверила своим ушам. Воображение, подстегнутое страхом, уже вовсю рисовало картины недалекого будущего: меня разлучают с Литой. Навсегда. Меня

лишают свободы, ее — дома. А в сиротском приюте она просто не выживет. В тот момент меня передернуло от ужаса. По сравнению с этим увольнение из «Фелисидад» казалось мелкой неурядицей, не стоящей внимания.

Но он меня отпустил. Этот надменный, будто высеченный из обмерзшего камня высший. Стоило лишь раз заглянуть в его глаза, темные с проблесками серебра, как я поняла: в этом мужчине нет ни капли сострадания, и понимания в нем тоже не найдется.

«Чтобы я вас возле своей невесты больше не видел. Вам все ясно?»

Предельно. И я с радостью, с огромным удовольствием буду держаться от сонорины Сольт как можно дальше. Ведь это означает, что я буду держаться как можно дальше и от вас, сонор Хорос.

Ну а что касается Акиллы... Позлится, попсихует, но потом успокоится. В конце концов, «Фелисидад» — успешное свадебное агентство. У нас и без всяких Хоросов заказов хватает. Конечно, не на миллионы дрейхов, но без куска хлеба мы точно не останемся.

Проблема заключалась в том, что мне деньги нужны не только на кусок хлеба. Не только чтобы выбраться из той дыры, в которой мы сейчас живем. Но теперь не будет никакой премии. Не будет гонорара в пятьдесят тысяч. Я рискнула. На свою голову. Я попыталась, но ничего не вышло.

К счастью, все закончилось просто неприятной сценой, а не катастрофой для меня и моей малышки.

Дура, Эления. Какая же ты дура!

Возвращаясь в офис, пытаюсь хоть как-то оправдать свой идиотский поступок в надежде, что тогда мне станет лучше. Но лучше не становится. Я редко прибегала к магии (только светлые на службе у правительства имеют право ею пользоваться), но когда все же это делала, низшие не чувствовали моего влияния. Да и темные не всегда замечали. Хоть на них я свои силы никогда не направляла.

А этот почувствовал. В первые же мгновения.

Какого йорга он вообще торчал дома в разгар рабочего дня?!

В сердцах ударяю по панели управления, и машина виляет в сторону. Едва успеваю выровняться, получая раздраженные сигналы справа и слева. Меня снова угораздило вылететь на верхнюю магистраль, где от аэрокаров небо, словно палитра ху-

дожника, кажется заляпанным разноцветными пятнами краски. Мой аэрокар рабочий, простой и темный, без каких-либо модных сейчас отетин и узоров на боковых дверцах и капоте.

Мне не терпится вернуться в офис, чтобы сбросить с себя этот груз. Огорошу Кришон и вернусь к работе. Если, конечно, мне позволят к ней вернуться...

Но Акиллы, как назло, в офисе не обнаруживается.

— Она на обеде с клиентами, — сообщает Норра и смотрит на меня долгим, выразительным взглядом, почти молящим: ну же, давай, рассказывай!

Точно такие же взгляды сверлят мне затылок, а мне язык не позволяет расписаться в собственном проигрыше. Другими словами, не желает слушаться, как и ноги. Они вдруг становятся какими-то тяжелыми, непослушными. На автопилоте возвращаюсь за свой стол, включаю сейфот и жду, когда прозрачный экран загорится.

Чем я с утра занималась? Подбирала цветы для пары Васко—Дали? На какие именно у невесты была аллергия? Где-то у меня это записано...

Ко мне подкатывает Хайме. Подкатывает в прямом смысле слова, на стуле, явно надеясь узнать из первых уст, выйдет ли наша фирма благодаря свадьбе Хороса на новый уровень. Хайме — один из первых, с кем я познакомилась в Кадриесе. Высокий улыбчивый блондин, поддерживавший меня с моего первого дня в «Фелисидаде». Это он представил меня другим коллегам, и он же пригласил меня после первого рабочего дня пропустить по бокальчику сильры в баре неподалеку от офиса. Мне тогда пришлось отказаться (нужно было возвращаться к Лите, няня сидит с ней только до восьми), но Хайме и не думал обижаться, на следующий день устроил что-то вроде праздничного обеда в честь моего появления. Акиллы тогда в офисе не было, и мы с ребятами неплохо провели время.

По натуре я очень замкнутая фея, некомфортно чувствую себя среди незнакомцев, но благодаря Хайме я влилась в коллектив почти мгновенно. Сразу перестала чувствовать себя чужой.

А однажды, когда мне срочно понадобились деньги (Литу пришлось класть в больницу), Хайме выручил меня, а потом еще артачился, не хотел, чтобы их ему возвращала. Но я настояла, потому что не люблю быть должницей, хоть и так в неплатном долгу перед ним за все, что он для меня сделал.

— Все так плохо? — Хайме протягивает мне плитку молочного шоколада с прослойкой из соленой карамели.

Мой любимый, который я могу поглощать в невообразимых количествах. К счастью, феи не полнеют. Мы все как одна стройные и миниатюрные.

— Все еще хуже, — улыбаюсь слабо и верчу в руках самое лучшее в мире лакомство.

В любое другое время я бы уже отправила в рот сладко-соленую дольку, но сейчас даже шоколад не лезет в горло. Желудок сводит от страха и напряжения. Я очень надеюсь, что темный уже забыл о моем существовании, но если это не так...

— Поделишься?

— Сначала поговорю с Кришон.

Хайме понимающе кивает и, кажется, собирается уже отчалить, ну то есть укатить обратно за свой стол, но вдруг неожиданно предлагает:

— Как ты смотришь на то, чтобы я нагло напросился к тебе в гости? Накупим побольше дряни и выпадем на диване перед сейфотом. Мне тут посоветовали парочку интересных сериалов, можем дать им шанс. Что скажешь, Ленни?

Лита обожает Хайме, а я обожаю вредную дрянью и сериалы. В компании друга и то, и другое идет замечательно. Но сначала мне нужно пережить разговор с Кришон.

— Скажу, что очень даже «за». Если Акилла раньше меня не убьет.

— Не убьет. — Друг ободряюще мне подмигивает, и от его улыбки на сердце, стараниями темного заледеневшем от страха, становится чуть теплее. — Только не тебя, — тихо добавляет он и возвращается за свой стол.

А я пытаюсь сосредоточиться на цветах, но мысли скачут с начальницы на Хороса и обратно. Надеюсь, он уже забыл обо мне. Боги, пусть это будет так! Кто я и кто он? Для него я ничтожное, не стоящее внимания существо, что-то вроде мелкого насекомого, и я ничего не имею против. Пусть будет занят невестой, своей предвыборной кампанией, бизнесом... чем угодно! Но только не вспоминает о фее, одной из светлых, к которым относится с таким пренебрежением.

Может, я, конечно, и преувеличиваю, но о чем-то подобном раньше писали в газетах. В последнее время больше не пишут, ведь это может пагубно сказаться на его репутации как кандидата. Однако после взгляда темного, который лишь чудом не

проморозил меня насквозь, я на себе ощутила, что именно он испытывает к светлым.

Могу сказать, что эти чувства взаимные. Не буду расписываться за всех себе подобных, но лично я от темных тоже, мягко говоря, не в восторге.

Обед начальницы затягивается. Она возвращается уже вечером, и в какой-то мере я даже рада этому. В офисе остались только я, Норра и Хайме. Чем будет меньше свидетелей моего фиаско, тем мне будет легче его пережить.

Не успев выйти из лифта, Акилла окидывает офис тяжелым, каким-то хищным взглядом и привычно говорит:

— Эления, зайди ко мне.

Мысленно желаю себе удачи и иду в кабинет начальницы, настраиваясь еще на одну неприятную сцену.

Надеюсь, что она станет на сегодня последней.

— Рассказывай. — Сняв жакет, Акилла быстрым движением пальцев разминает шею и опускается в кресло. Закидывает ногу на ногу, сплетает перед собой пальцы, принимая позу «я вся — внимание».

Кришон — стройная, холеная брюнетка слегка за сорок, а может, почти под пятьдесят. Тут сложно угадать, потому что Акилла не жалеет средств на свою внешность. Она уже давно в разводе, детей у нее нет, и все свободное время она посвящает себе любимой и своему агентству.

— Эления, я жду...

Выдыхаю, собираюсь с мыслями, и просто говорю:

— Они не заключат с нами договор.

Лицо начальницы каменеет.

— Почему?

— Сонорине Сольт понравились мои идеи, но недостаточно для того, чтобы остановить свой выбор на нас.

— На тебе, — резко поправляет меня Акилла. — Остановить свой выбор на тебе. Это ты не справились с моим поручением. Будь так добра, не приплетай сюда остальных!

Быть может, будь у Кришон семья или хотя бы любимый мужчина, она была бы добрее к своим подчиненным. Но чего нет, того нет. Она часто раздражается и просто обожает спускать на нас пар. Ну и еще на работниках спа-центров, продавщицах в бутиках, стилистах и всех тех, кому позволяет превращать свое тело в храм совершенной красоты.

Норре достается от нее чаще всех и больше всех. Наверное, потому у нее ящики стола забиты шоколадными батончиками. Хоть какое-то оружие в борьбе с постоянными стрессами.

Чувствую, презент от Хайме сегодня точно лишним не будет. А еще вся та дрянь, которой он планирует скрасить просмотр сериалов.

— Я доверила тебе простейшее задание, а ты...

— Оно не было простым, — говорю, старательно давая эмоции. Я никогда не позволю себе в общении с начальником повысить голос, но и стоять бессловесным овощем тоже не стану.

Жизнь научила меня держать удар, хоть еще каких-то два года назад я была не способна выдержать даже самые слабые пинки от судьбы. Кто ж знал, что она врежет так, что на мелкие тычки просто перестанешь обращать внимание и волей-неволей обрастешь шипами.

— И уж тем более простейшим. Я сделала все возможное, но, к сожалению, мы не получим этот заказ.

— Так уж ли все? — усмехается Кришон, успешно продолжая потрошить меня взглядом. — Я же просила тебя! Просила сделать так, чтобы она в любом случае согласилась.

— Я попыталась, — отвечаю нехотя.

— И что?! — нетерпеливо спрашивает начальница.

— Ничего не получилось.

— Она же человек. Как я. Как они! — Акилла раздраженно указывает на Хайме и Норру, усердно делающих вид, что они заняты работой. — Что там могло не получиться?!

Врать я тоже не люблю, хоть и этому пришлось научиться.

— Как уже сказала, я попыталась.

— Эления, тебя заклонило? Я хочу знать, что ты там пыталась и что у тебя не получилось.

Кришон не угомонится, пока не выяснит, почему мне пришлось уйти. Или, вернее, почему меня выставили.

— Сонор Хорос почувствовал, что я пыталась воздействовать на его невесту.

Акилла собирается что-то сказать, но после моих слов резко захлопывает рот. Никогда не видела у нее *такого* выражения лица: неверие, смешанное со злостью, досадой и, кажется, страхом.

— Старший Хорос? — зачем-то переспрашивает она шепотом.

— Да, тот самый, который собрался жениться, — отвечаю терпеливо.

— Эления! — Хозяйка агентства подсакивает с кресла и принимается расхаживать по кабинету. — Что же ты натворила?!

— Я натворила? — переспрашиваю обалдело.

Ну вот, прилетели. Инициатива исходила от нее, а виновата я.

— Ну не я же! — зыркает на меня злым взглядом Акилла и снова принимается ходить из стороны в сторону. — Мало того что по приказу Хороса тебя могут арестовать, так еще и пострадает «Фелисидад». Он ведь может решить, что я об этом знала...

— Вы об этом знали, — напоминаю, едва не скрежеща от злости зубами.

Йорги! Это же надо было так подставиться!

— Что делать, что делать... — бормочет Акилла, а потом скидывает на меня взгляд, и в ее глазах снова вспыхивает раздражение, за которым неумело прячется страх. — Значит, так! Собирай свои вещи и уходи. Я обещала, что уволю тебя? Так вот, я тебя увольняю. Не хочу быть с этим связана, слышишь?! — взвизгивает она истерично. — Не хочу!

Такое чувство, будто меня огрели по голове чем-то тяжелым. В ушах начинает гудеть, и сквозь этот назойливый гул с трудом удастся различить голос начальницы, звучащий расстроенным роелем:

— Эления, я кому говорю?! Мне не нужны проблемы! Уходи, иначе я тебе такие рекомендации выпишу, что ты не то что в Кадрисе работу больше не найдешь, ты в принципе не сможешь устроиться в Грассоре! Даже поломойкой!

А теперь мне кажется, будто на меня вылили ведро помоев. Хочется забраться в душ и стоять под горячими струями до самого утра.

— И не вздумай влиять на меня! Иначе я сама тебя сдам!

Упасите меня боги! Не хватало еще глубже влезать во все это.

— Всего доброго, сонора Кришон, — прощаюсь сдержанно, а самой безумно хочется сбросить ее с тридцатого этажа, на котором находится наш офис.

Ее офис.

Выхожу из кабинета, хватаю свои вещи. Хайме пытается меня остановить, но я прошу его, почти умоляю:

— Давай поужинаем в другой раз.

— Но Ленни...

— Пожалуйста. Мне сейчас нужно побыть одной.

Но одной побыть не получается. Вагон аэроэкспресса, битком набитый пассажирами, не самое удачное для уединения место. Но я не могу себе позволить бродить по городскому парку до позднего вечера и реветь в свое удовольствие на пустой скамейке. Ночью пореву. После того как уложу спать Литу и разошлю резюме по свадебным агентствам.

Надеюсь, меня в ближайшие дни пригласят на собеседование. Очень, очень надеюсь.

К моей остановке вагон пустеет, и дышать становится легче. Выйдя на конечной, спускаюсь на нижний уровень и остаток пути продельваю пешком. Несмотря на то что вечер в самом разгаре, на улице душно, как днем. Хочется скорее раздеться, облачиться в домашнюю одежду, выключить мозг и просто провести вечер со своей малышкой.

Да, так и сделаю. Вычеркну на время из памяти все, что сегодня произошло. Не хочу, чтобы Лита чувствовала, что я зла, напугана, обеспокоена и мечтаю проклясть Кришон. А заодно и Хороса, ведь если бы не он...

Мысль обрывается вместе с дыханием, когда вижу у входа в свою квартиру двух шкафообразных незнакомцев, зачехленных в черные строгие костюмы.

— Что здесь происходит?!

Толкая дверь и первой, кого замечаю, это явно напуганную Дину — студентку медицинского колледжа, заботящуюся о Лите, когда я на работе. Цепляюсь взглядом за еще один «шкаф», пристроившийся у стены, продолжаю лихорадочно искать глазами ребенка и едва не цепенею от ужаса.

Когда нахожу Литу на руках у Гаранора Хороса.

ГЛАВА 4

Эления

— Вы что здесь делаете?!

Страх, который вызывает у меня темный, пасует перед злостью. Бросаюсь к нему, не обращая внимания на отделившуюся

ся от стены бритоголовую «мебель», и выхватываю у него из рук Литу.

Малышка начинает кукситься, я успокаивающе глажу ее по спине, нежно целую в розовую щечку, мысленно ругая себя за то, что напугала ее. А заодно проклинаю Хороса. За то, что бесцеремонно заявился ко мне домой и посмел трогать моего ребенка.

— У вас очаровательная дочка, сонорина Лэй. — Темный изображает некое подобие улыбки. Просто дергает уголком губ и кивает своему охраннику, давая понять, что его не надо спасать от злой, как тысяча йоргов, светлой.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Ежусь под его взглядом, потому что Хорос без зазрения совести меня рассматривает. Пристально, внимательно, но, кажется, без мужской заинтересованности. Так может смотреть ученый на подопытный экземпляр, поигрывая скальпелем и размышляя, откуда лучше начать препарирование.

— Утром мы с вами так и не поговорили, меня отвлекли. Но сейчас я здесь и жажду познакомиться с вами поближе, сонорина Лэй.

Поближе? Меня прошибает холодный пот. Думала, сцена в кабинете Кришон — самое отвратительное, что может со мной сегодня случиться. Но вот самое отвратительное стоит передо мной и смотрит на меня в упор, сверху вниз, как и полагается смотреть хозяину жизни.

— Может, отдадите ребенка няне? — Хорос бегло оглядывает небольшую гостиную, смежную с маленькой кухней. Наверное, у него туалет больше, чем вся моя квартира. — Здесь есть еще одна комната?

Лита начинает хныкать, видимо, чувствует мой страх и напряжение. Прошу Дину посидеть с ней в спальне, а темный тем временем велит охраннику ждать за дверью. Тот тут же исчезает, и мы остаемся одни.

Будущий правитель Грассоры скидывает пиджак, небрежно бросает его на спинку старого потертого кресла, как если бы это было *его* кресло и *его* квартира. Хватается за узел галстука, и я с трудом подавляю в себе желание отпрянуть. К счастью, он просто его ослабляет, а не отправляет следом за пиджаком, иначе, клянусь, я бы нашла, чем его огреть.

Знаю я, как некоторые темные «знакомятся поближе».

— Вы опоздали, — пеняет мне Хорос.

Он не настолько широк в плечах, как его охранники, зато очень высокий. Наверное, если поставить нас рядом, я ему и до плеча не достану. Сильный, поджарый, гибкий. Лицо открытое, с правильными или, скорее, идеальными чертами. Породистое, я бы сказала. В глазах снова безмятежно плавится серебро, а хищная тьма сходит к самому краю радужки. Красивый, как и большинство темных. Вот только циничное выражение лица и жесткий прищур, с которым он на меня смотрит, все портят.

Устав от этого взгляда, отворачиваюсь и прохожу на кухню, чтобы включить чайник.

— Мне пришлось возвращаться домой на аэроэкспрессе. Вы уже успели познакомиться с моим расписанием дня?

— И не только с ним, — будничным тоном отвечает Хорос, а потом так резко меняет тему, что я снова вздрагиваю от напряжения: — Зачем вы воздействовали на мою невесту?

Врать не имеет смысла, поэтому честно признаюсь:

— Надеялась получить у вас работу.

По-хорошему, следовало рассказать, какую во всем этом роль сыграла Кришон, но йорги с ней. Не хочу, чтобы рикошетом задело и ребят из агентства.

— Как вам удастся использовать магию? — допрос продолжается.

— Мы ведь не в полицейском участке. — Резко оборачиваюсь, едва не смахнув со стола деревянную коробку, в которой хранится моя чайная коллекция. Хоть сейчас больше подошла бы бутылка сильры, а не пакетики с успокаивающими сборами. Хочется не успокаиваться, а напиться и вырубиться.

— Желаете продолжить этот разговор там? — вскидывает бровь темный.

Он стоит, спрятав руки в карманах брюк. Совершенно спокойный, расслабленный и безмятежный. Так может выглядеть сытый хищник, уверенный в том, что он и в будущем не останется голодным: следующий его ужин в лице беззащитной светлой никуда не исчезнет.

— Нет, но разве мои желания имеют значение?

Хорос неопределенно пожимает плечами. Новая попытка улыбнуться куда более успешна, вот только от этой улыбки у меня внутри все цепенеет.

— Скажем так, некоторые ваши желания, Эления, могут легко исполниться. Если вы будете послушной феей и примете мое предложение.

Боги, пусть скорее прекратится это безумство! Предложение от темного? Ничем хорошим это точно не закончится.

— И в чем же оно заключается?

— Мне нужно, чтобы вы познакомились с моим братом и стали на время его... хм, подружкой.

Подружкой?

Чайник выключается, а у меня перед глазами сама собой рисуется такая яркая и живая картина: я выливаю кипяток на голову темному.

Жаль, этой фантазии суждено остаться нереализованной, и кипяток льется в чашки, одну из которых я протягиваю Хоросу и спрашиваю как можно спокойнее:

— Зачем?

На миг наши пальцы соприкасаются, и я лишь невероятным усилием воли заставляю себя не отпрянуть.

— Потому что мой брат вспыльчив, импульсивен и любит совершать ошибки.

— Которые могут стоить вам кресла правителя.

— Именно. — Он снова смотрит на меня в упор, и мне снова хочется отвернуться. — Так что скажете, Эления?

— Мне нужно подумать, — говорю первое, что приходит в голову.

— Тут не о чем думать, — нетерпеливо обрывает Хорос. — У меня нет времени и желания ждать, пока вы созреете для принятия решения.

Я скорее созрею для реализации своей недавней фантазии, чем приму его ультиматум.

Крепче сжимаю чашку, не обращая внимания на то, как ее стенки обжигают мне пальцы.

— Вижу, вы уже все решили за меня.

— Решил, — кивает темный и продолжает: — Но вот чего не вижу я, так это радости в ваших глазах.

Он опускается на подлокотник кресла, делает небольшой глоток и при этом смотрит на меня исподлобья, а во мне от этого взгляда умирают последние нервные клетки.

— Радоваться чему? Я так понимаю, что должность «подружки» вашего брата включает в себя и интимные обязанности. Не думаю, что его устроят одни лишь платонические отношения.

— Не вижу в этом проблемы, Эления. У вас внебрачный ребенок от темного. Не стройте из себя святую непорочность.

Его голос полон пренебрежения, и первую фантазию нагоняет вторая: руки чешутся натянуть ему на голову грязный подгузник. Сразу после кипятка.

— От кого она? — кивает он на закрытую дверь.

— Не важно, — обрубая нервно и спешу вернуть темного к причине его здесь появления. — Стоит мне лишь раз воспользоваться магией в присутствии вашего брата, как он тут же почувствует, что я на него воздействую. Как сегодня это почувствовали вы.

— Вот в этом и заключается самое интересное: не почувствует, — самоуверенно улыбается этот хозяин жизни. — У Ксанора есть свои, скажем так, особенности, и эта одна из них.

— Почему вы выбрали именно меня? Из-за утреннего инцидента с вашей невестой?

Резким движением пальцев Хорос зачесывает назад упавшие на лицо темные пряди.

— Эления, я не шантажирую вас. Я предлагаю вам работу. Выгодную и для вас, и для меня. В Кадрисе проживает сорок четыре феи, не считая вас. Пятнадцать из них — несовершеннолетние, двадцать пять или счастливы в браке, или находятся не в том возрасте, чтобы заинтересовать моего брата. Остальные зарабатывают себе на жизнь, показывая крылья (и не только) всем, кто готов за это платить. И с каждой из них Ксанор уже успел тесно познакомиться.

Я почти не интересуюсь светской жизнью, но какие-то обрывки сплетен долетали и до меня. В том числе и о любви Хороса-младшего к слабому полу в целом и к феям в частности.

Хотя о чем это я? Какая любовь? Секс и ничего больше. Он их просто использует. Точно так же, как его старший брат сейчас пытается использовать меня.

— И самое главное, только вы одна, уж не знаю как, умудряетесь применять свой дар. — Он поднимается, ставит на стол чашку, приближается ко мне вплотную.

С каждым новым шагом, стирающим расстояние между нами, серебро его радужки все больше темнеет, окрашиваясь в цвет его магии. Мне хорошо знаком этот хищный взгляд, эта жажда в черных глазах. Он касается моего подбородка, заставляя вскинуть голову. Медленно проводит по нему большим пальцем, отчего у меня по коже разбегаются мурашки, и тихо спрашивает:

— К вопросу вашей уникальности мы еще вернемся, а сейчас я хочу услышать ответ. Вы принимаете мое предложение, Эления?

Боги, как же хочется ответить, выкрикнуть: «Нет!» Оттолкнуть его, а лучше — вклеить пощечину. За то, что ведет себя со мной так, словно я его собственность. Рабыня, которой можно отдать приказ, и она тут же побежит его выполнять.

Дергаю головой, стряхивая прикосновение его пальцев, жестких, горячих, почти обжигающих, и спешу отодвинуться от Хороса, отгораживаясь от него барной стойкой.

— Вы предельно четко описали мне мои обязанности, но ни слова не сказали о том, что именно должно вызвать у меня приступ радости. Уж точно не общение с вашим братом. Или я должна радоваться тому, что вы не отправите меня в полицию? Но тогда мы возвращаемся к банальному шантажу.

— Фея с коготками? — Моя тирада вызывает у него улыбку, терпеливо-снисходительную. — Это что-то новенькое. Забавно даже...

Меньше всего мне хочется выглядеть забавной. А еще беспомощной и беззащитной. Но именно такой я и являюсь перед сильнейшим темным Грассоры. В его власти разрушить мою жизнь. На его стороне закон.

— Вы ведь хотели эту свадьбу? — озвучивает Хорос свой бонус. — Вы ее получите. Завтра же Фелисия подпишет договор с вашим агентством.

— Я там больше не работаю.

Он удивленно вскидывает брови:

— Вас уволили? Впрочем, не важно. Вернуть вас туда не будет проблемой.

Вот только я не хочу туда возвращаться. Ну то есть хочу! Хочу устраивать незабываемые торжества, делать людей счастливыми, заниматься тем, что мне действительно по сердцу. Но оказаться снова в подчиненных у Кришон — это то же самое, что оказаться в зависимости от Хороса. Где гарантия, что спустя какое-то время она не прикажет мне воспользоваться даром, а если что-то пойдет не так, в очередной раз не пнет меня под зад?

— И это еще не все, — голос Хороса становится чуть ли не бархатным, каким-то обволакивающим, и я с трудом заставляю себя отвести взгляд от его глаз, в которых снова плещется тьма. — У вашей дочери, Мариселы, у нее ведь синдром Сарра?

В скором времени ей потребуется операция, но боюсь, вы не сможете ее оплатить. У вас на счету нет трехсот тысяч дрейхов.

— Вы и это проверили...

Болезнь назвали в честь высшего, ставшего первым, кто провел успешную операцию по извлечению из организма ребенка темной силы. Если девочки низших, рожденные от темных, умирали еще в младенчестве, то дети светлых выживали благодаря своему светлому дару. Он защищал их, хоть такую жизнь сложно назвать нормальной. Бесконечные приступы, когда одна сила схлестывается с другой, пусть и не убивают ребенка, но делают его существование невыносимым. Скоро Литте исполнится два года. Этот возраст считается безопасным для проведения операции. Можно и позже. Но это будет означать, что ее мучения продолжатся, а у меня сердце разрывается, когда она плачет. Жаль, я не могу забрать себе ее страдания.

— Связь темного со светлой явление очень редкое, — зачем-то отмечает Хорос, вновь возвращаясь к своей чашке.

Теперь мы стоим по разные стороны барной стойки — незначительная преграда между мной и этим темным.

— Потому что высшие вроде вас считают такие отношения аморальными.

Нет, они не брезгают с нами спать, но вот жениться на нас... Скандал, позор, катастрофа. Три века назад они ненавидели нас, презирали и одновременно желали. За то, что мы были рождены с даром, наделены им богами, а они — результат экспериментов и мерзких ритуалов.

Со временем ненависть прошла... Презрение? В таких, как Хорос, оно до сих пор живо. Желание? Они по-прежнему к нам тянутся, но ничем хорошим такие отношения не заканчиваются.

Уж я-то это точно знаю.

— Я оплачу операцию и все расходы на дальнейшее восстановление. Ваша дочь будет здорова.

На какой-то миг сердце в груди замирает, а потом заходится в бешеном ритме.

— Я согласна, — говорю, больше не давая себе времени на раздумья. За это, за спасение Литы, я готова подписать договор даже с йоргом. — Я согласна, но у меня есть одно условие.

На лице Хороса проступают хоть какие-то эмоции: удивление, недоверие, интерес.

— Вы ведь понимаете, что вы не в том положении, чтобы диктовать условия?

— Понимаю. Но на этом все же вынуждена настоять.

— Если понадобится, вы будете с ним спать, — жестко чеканит темный. Его взгляд вновь становится тяжелым и острым.

— Я не об этом. Я займусь вашей свадьбой, но в агентство не вернусь.

— Хотите сказать, что справитесь в одиночку? Вы же должны представлять масштабы работы.

— Представляю и могу вас заверить, что справлюсь.

— Что ж, можете попробовать, — безразлично пожимает плечами Хорос. Не похоже, что его особо заботит это мероприятие. Впрочем, это ведь не он невеста, мечтающая об идеальной свадьбе. — Но если Фелисия будет вами недовольна...

— Она останется мною довольна.

Усмехается:

— Еще и самоуверенная... Главное, чтобы вами остались довольны мы с Ксанором.

Мысли снова убегают к грязным подгузникам и тому, как один из них будет смотреться на голове у этого сноба.

Хорос кладет руки на прохладный камень столешницы.

— Рад, Эления, что мы пришли к согласию.

Пауза. Чувствую, как его взгляд скользит по моему лицу, медленно опускаясь ниже, отчего мне хочется подтянуть лацканы жакета к самому горлу или нырнуть под барную стойку.

Особенно после его следующего заявления:

— А теперь, сонорина Лэй, я попрошу вас раздеться.

ГЛАВА 5

Эления

На какое-то мгновение в глазах темнеет, и я все-таки хватаюсь за чашку. Высший, явно угадав мои намерения, накрывает мою руку своей, слегка сжимая пальцы. Вздрагиваю от этого прикосновения и спешу отдернуть руку, даже (на всякий случай) завожу ее за спину. Пока действительно чем-нибудь в него не швырнула.

— Меня не интересуют ваши прелести, Эления. Только знак принадлежности.

— Там ничего нет, — отвечаю, чувствуя, как к щекам приливает кровь и они начинают гореть.

— Так не бывает, — щурится Хорос и добавляет резко, как будто приказывает: — Я настаиваю.

Оглядываюсь на дверь спальни, цепляюсь взглядом за входную дверь, за которой его дожидается охрана, и с силой сжимаю руки в кулаки. Мы одни, но раздеваться перед ним... Да лучше обнажиться перед всем Кадрисом, чем перед этим матерым хищником!

— Поверьте, я...

— Я не стану верить на слово светлой, едва не превратившей мою невесту в марионетку, — жестко обрывает меня Хорос. — Раздевайтесь, Эления. Или я могу передумать и сделать то, что собирался сделать этим утром: передать вас полиции.

Мне следует быть ему благодарной за щедрое предложение оплатить операцию, но вместо этого в сознании пульсирует одна-единственная мысль: как же сильно я его ненавижу.

— Отвернитесь, — сдаюсь, мысленно проклиная темного.

— Ложная скромность! — пренебрежительно фыркает Хорос, но все-таки отворачивается.

— Если у меня есть ребенок, это еще не значит, что я вела разгульный образ жизни и обнажалась перед каждым вторым мужчиной!

— Я не каждый второй мужчина.

— Вы хуже!

Чувствую, что нервы начинают сдавать, и спешно стаскиваю с себя пиджак. Чем скорее он удовлетворит любопытство, тем скорее уйдет. Дрожащими пальцами расстегиваю одну за другой пуговицы блузки. Прохладный шелк соскальзывает с плеч, с мягким шелестом оседая на бедрах. Схватившись за поясok юбки, немного ее приспускаю, позволяя крыльям раскрыться, и говорю своему учителю:

— Можете смотреть.

Поворачиваюсь к нему спиной, каждой клеткой своего тела ощущая пристальный, жадный взгляд высшего. Слышу его шаги, каждый перекликается с ударами моего сердца, и тихо сглатываю, почувствовав прикосновение его пальцев.

Хриплый шепот:

— Отреченная...

Он не спешит оставлять меня в покое, обводит пальцами, едва дотрагиваясь, то место, где когда-то серебром растекалась

по коже родовая метка, а теперь вместо нее уродливый шрам, оставленный сильным ожогом.

Темный не отнимает руки, а я не нахожу в себе силы даже пошевелиться. Чувствую тяжесть его ладони и горечь стыда, комом осевшую в горле. Еще никто не видел меня такой.

— Вы закончили? — наконец прорезается голос.

Секунда, вторая, и обжигающее прикосновение исчезает. Бесшумно выдыхаю, складываю крылья и спешу натянуть блузку обратно. Вот только пальцы не слушаются, и у меня никак не получается справиться с пуговицами.

— Вы лишились покровительства рода из-за ребенка?

— Да.

Не стану его разубеждать. Пусть лучше думает так, чем продолжает копать.

Прежде чем темный успевает задать очередной каверзный вопрос, оборачиваюсь и спрашиваю:

— Как долго я должна буду находиться с вашим братом?

— До выборов. После этого вы с ним порвете или сделаете так, чтобы он порвал с вами.

— А если он не обратит на меня внимания?

— Такого быть не может, — с задумчивой усмешкой произносит Хорос.

Тьма в его глазах становится непроницаемой, ноздри трепещут, раздуваются. Сейчас он похож на хищного зверя, готового к нападению. Для него я что лакомая добыча. Он чувствует меня, мой запах, и он ему нравится.

Вот это-то больше всего и пугает.

— Уже поздно, — говорю тихо. — Мне давно пора было отпустить няню и уложить Литу спать.

Взгляд темного светлеет, становится почти осмысленным. Он отворачивается и под мой вздох облегчения берет в руки пиджак и галстук.

— Вам пришлют договор, сонорина Лэй, — говорит уже совсем другим голосом, без хриплых, таких пугающих ноток. — Изучите его и подпишите. Если возникнут вопросы, свяжитесь со мной по номеру, который уже внесен в ваш сейт.

Обалдеть.

Такое чувство, будто вся моя жизнь в одночасье стала достоянием этого сноба.

— Завтра вы обедаете с Фелисией в «Альвите», — натягивая пиджак, продолжает он инструктаж. — По «счастливой случай-

ности» я с братом тоже буду там. Моя невеста представит вас ему, а дальше уже все будет зависеть от вас. И да, — Хорос бросает по сторонам взгляд, — вам придется переехать. Девушка Ксанора Хороса не может жить... здесь.

В этом «здесь» звучит столько пренебрежения, словно мы находимся на какой-нибудь свалке или застряли в выгребной яме.

С силой, до боли закусываю губу. Спокойно, Эления, сейчас он уйдет. Дашь волю чувствам, когда за ним закроется дверь, а сейчас молчи и терпи.

— Доброй ночи, сонорина Лэй. — Хорос бросает на меня последний взгляд и открывает дверь.

У меня нет никакого желания его провожать — сам уберется, но увидев на лестничной площадке Хайме, пытающегося пробиться через охранников, бросаюсь к нему и говорю:

— Впустите его. Это мой друг.

При виде высшего у Хайме округляются глаза, а вот Хорос почему-то морщится. Лишь на мгновение эта гримаса искажает черты его лица, а в следующую секунду оно снова каменеет.

Он подается ко мне и шепчет:

— Чтобы с завтрашнего дня никаких друзей, сонорина Лэй. Я внесу этот пункт в наш договор.

Только мысли о Лите помогают мне удержать уже готовое сорваться с губ ругательство.

Хорос уходит вместе со своими «шкафами», а Хайме продолжает стоять на лестнице и хлопает глазами.

— Это действительно был Гаранор Хорос?

— Проходи, — сторонюсь, давая Хайме возможность пройти.

«Чтобы с завтрашнего дня никаких друзей, сонорина Лэй».

Бедная Фелисия. И угораздило же в такого влюбиться. Впрочем, там, наверное, не любовь, а слияние капиталов. Потому что полюбить такого сможет только какая-нибудь ненормальная.

— Меня что, только что проглючило? — Хайме вручает мне большой бумажный пакет с эмблемой «Меркадона» — круглосуточного гипермаркета, расположенного в нескольких кварталах от моего дома.

— Если бы... — Быстро отношу пакет на кухню и заглядываю в спальню, из которой не доносится ни звука.

Эта комната тоже не может похвастаться размерами. Почти все пространство в ней занимают двуспальная кровать и детский манеж. В углу ютятся шкаф и полка, заменяющая мне туалетный столик. Я повесила над ней круглое зеркало в оправе, рассыпающейся по стене солнечными лучами. На окнах — ажурные занавески и шторы вместо жалюзи. Кровать украшают многочисленные подушки с вышивкой и пара плюшевых игрушек, а на прикроватной тумбочке горит ночник, наполняя комнату мягким, приглушенным светом.

Я очень старалась сделать нашу с Литой квартирку уютной, и у меня это получилось. Вот только район по-прежнему остается неблагополучным. В нем нет парков, нет детских площадок, а главное, чтобы добраться до ближайшей больницы, надо пролететь полстолицы.

— Она спит, — шепчет, поднимаясь с кровати, Дина — моя бесценная находка.

Чудесная девушка с огромным сердцем и добрыми серо-голубыми глазами. Она обожает детей, а я обожаю ее. За то, что Дина готова сидеть с Литой до позднего вечера, когда я задерживаюсь. За то, что не теряется, когда моей малышке становится плохо, и не отходит от нее до тех пор, пока тьма внутри ребенка не прячет обратно свои ядовитые когти. Я обычно в такие моменты впадаю в ступор, потом начинаю паниковать. Злюсь на себя, но ничего не могу с этим поделать. Дина стала моим спасением.

— Так рано? — удивляюсь я.

— Днем она почти не спала, а потом мы до самого вечера играли.

— Не спала, потому что...

— Все хорошо, — спешит успокоить меня няня. — Она себя весь день хорошо чувствовала, не волнуйся.

Облегченно выдыхаю и подхожу к манежу, в котором безмятежным сном спит мое сокровище. Светлые кудряшки обрамляют круглое личико. Лита мирно посапывает, обняв свою любимую куклу. Любуюсь ямочками на розовых щечках, которые появляются всякий раз, когда она смеется или улыбается. Наверное, сейчас ей снится что-то очень приятное.

Поправив легкое покрывальце, вместе с Диной выхожу из спальни.

— Спасибо, что задержалась.

— Нет проблем, — улыбается Дина, правда, улыбка ее тут же меркнет. — Лен, все хорошо? Я открыла, потому что думала, что это ты. А когда увидела его...

— Все... э-э... хорошо.

Очень странно, но хорошо. Пока что.

Дина машет рукой Хайме, который уже всю колдует на кухне, раскладывая по тарелкам принесенные им вкусности, а я интересуюсь:

— Может, тебя проводить? Уже поздно, да и темно.

— Меня парень заберет, у нас в девять лекция. — Дина хватается за рюкзак, перекидывает через руку легкий кардиган и прощается: — Хорошего вам вечера.

— Пока, полуночная студентка! — доносится с кухни.

— Не говори никому, — прошу ее тихонько, когда она уже выходит из квартиры. — Об этом йо... о моем госте. С меня премия за молчание, — добавляю шутиливо.

— Я — могила, — заверяет меня Дина и спешит вниз к своему бойфренду.

Выглянув в окно и убедившись, что парень на аэроцикле действительно ее друг, возвращаюсь к своему другу. На кухне меня уже ждет бокал фруктового вина и тарелка с любимыми сурри — ассорти из роллов с разными вкусами.

Вооружаюсь палочками, делаю большой глоток, но отправить в рот ролл не успеваю. Хайме отодвигает от меня тарелку, которую сам же передо мной и поставил, и требовательно спрашивает:

— Ленни, что происходит? Сначала тебя увольняет Кришон (она велела Норре собрать все твои вещи), потом к тебе домой заявляется сам Гаранор Хорос. У тебя проблемы?

В глазах моего бывшего коллеги, каре-зеленых, как укрытая сумерками листва, беспокойство смешивается с недоумением. Еще бы ему не недоумевать! Гаранор Хорос у меня в гостях. Я и сама до сих пор недоумеваю и боюсь думать о том, на что только что подписалась.

Вернее, еще нет, но завтра обязательно подпишусь. Тут без вариантов. Не из-за шантажа — из-за операции. Ради Литы я готова рискнуть.

Меня пугали не столько брата Хорос (хотя, если уж быть до конца с собой откровенной, и они тоже), сколько внимание со стороны прессы. Нужно будет очень постараться, чтобы не попадать в кадры. Но даже если это и случится... он ведь уже давно за решеткой. И я уже давно не в Креуте, а в Грассоре. К тому же если

к кому и будет приковано внимание журналистов, так это к Хоросу-старшему и его невесте. А Ксанор, если не будет совершать глупостей (о чем я должна позаботиться), станет им неинтересен.

Да и вообще, можно подумать, высший оставил мне выбор. Нет, не оставил. Да и триста тысяч дрейхов на дороге не валяются. Я бы такую сумму копила еще йорг знает сколько, а Лита все это время продолжала бы мучиться.

Пыталась взять ссуду в банке — не дали. Для этого нужно иметь постоянный вид на жительство и проработать в Грассоре как минимум три года, а я здесь чуть больше полутора лет.

— Ленни, рассказывай. — Хайме продолжает гипнотизировать меня взглядом. — Я, конечно, парень терпеливый, но терпение мое тоже небезгранично. Скажи, во что ты вляпалась и как я могу тебе помочь?

Иногда мне кажется, что со мной что-то не так. Может, я больна? Хайме замечательный. Нет, не так! Он идеальный. И мне уже давно следовало влюбиться в него без памяти, а вот не влюбляюсь. Точно больная... Я не чувствую к нему даже со-той доли того, что он испытывает ко мне, и считаю неправильным обманывать и себя, и его.

Поэтому мы просто друзья, хоть знаю, что ему хочется большего. Даже несмотря на то, что я мать-одиночка. И как сказать ему, что в ближайшее время мы не сможем даже видеться... Не представляю, как он на этоотреагирует.

— Кришон действительно меня уволила, но зато Хорос предложил мне работу.

— Кем?

— Распорядительницей на его свадьбе.

Хайме начинает хмуриться:

— Ты же днем была как в воду опущенная. Я думал, они нами не заинтересовались...

— Они передумали, — опустошаю бокал в надежде, что получится хоть немного расслабиться. — Невеста Хороса заинтересовалась мной.

Вернее, сам Хорос. Но об этом знать другу точно не стоит.

Вино на голодный желудок быстро ударяет в голову, и я устало стекаю на высокий стул перед барной стойкой. Подтягиваю к себе тарелку и начинаю, едва не урча от удовольствия, уплетать роллы.

Из-за всех этих стрессов я такая голодная.

— Почему передумали?

— Кто их этих богатеев разберет, — пожимаю плечами и взглядом прошу Хайме подлить мне добавки.

— И Хорос решил сообщить тебе о том, что передумал, лично?

— Я же говорю, у каждого свои заскоки.

— Ленни...

— Что?! — переспрашиваю с полным ртом, а проглотив третью по счету вкуснотищу, запиваю ее вином. — Не ищи плохое там, где его нет, а лучше просто за меня порадуйся.

— Я за тебя переживаю.

— А ты радуйся. После этой свадьбы мне можно будет смело самой открывать свадебное агентство.

— Да, ты тогда точно будешь нарасхват. — Хайме немного расслабляется и поднимает бокал. — Предлагаю за это выпить. За Ленни и ее успешную карьеру.

— За нас, — уже немного нетрезво поддакиваю я и улыбаюсь под звяканье бокалов.

— Если поймешь, что не справляешься, зови. Ты же знаешь, я всегда помогу.

Сейчас самое подходящее время сказать, что я не смогу его позвать, если Хорос от переизбытка наглости действительно внесет в договор свой дурацкий пункт про друзей. Но Хайме только-только успокоился, и вечер наконец-то начал налаживаться. Не хочу, чтобы все снова испортилось, хватит на сегодня неприятных переживаний.

Вздрагиваю, вспомнив о прикосновениях высшего, и снова словно наяву ощущаю, как его пальцы скользят по обнаженной спине, обводят след от ожога, замирают на моей коже, не то согревая, не то обжигая и жала.

Спешу прогнать это воспоминание и поднимаю глаза на Хайме:

— Так что там за сериалы?

ГЛАВА 6

Эления

Утром меня, как обычно, будит Лита. Она стоит в кровати, протягивая ко мне ручки между деревянными брусками.

— Хочешь к маме? — Подхватываю малышку на руки и укладываю рядом с собой, жалея, что сегодня не выходной и я не могу провести этот день с ней.

Теперь у меня будет еще меньше свободного времени. Вместо одной работы две: свадьба и младший Хорос. Даже не представляю, которая из них окажется более сложной, а главное, невротрепательной и энергозатратной.

Что-то мне подсказывает, что вторая.

Лежать без дела нам неинтересно. Лита тут же пытается уползти от меня к краю кровати, чтобы дотянуться до мягкой игрушки — нежно-розовой, как и ее пижамка с серебристыми звездочками на светлом фоне.

— Пить!

— Тогда бери Соню и пойдем на кухню.

Лита хватает плюшевую игрушку, я стягиваю с тумбочки сейт, сую его под мышку и, расправив крылья (какое же это блаженство — не прятать их под одеждой!), выхожу с дочкой на руках из спальни. Наливаю в пластиковый стакан воды (из бутылочки мы уже пить отказываемся, слишком большие для этого стали) и, пока придерживаю его для Литы, осоловело глазею на прозрачный экран. За ночь ни одного сообщения. Уж не знаю, радоваться этому или начинать нервничать.

Он ведь не сказал, во сколько мне следует быть в «Альвите». Обед — понятие растяжимое, и вообще, я должна дожидаться Дину и... Вздрагиваю, когда раздается тихий сигнал и сейт начинает переливаться всеми цветами радуги.

А вот и сообщение, которое я так ждала — не ждала.

Несколько секунд, словно в трансе, наблюдаю за игрой света, растекающегося по экрану, а очнувшись, быстренько ставлю ребенка в игровой манеж и со словами:

— Сейчас мама будет готовить завтрак, — развиваю бурную деятельность, параллельно читая сообщение от темного:

«Столик в «Альвите» зарезервирован на час. До этого прочитайте договор и подпишите. Если будут вопросы, жду их от вас до одиннадцати. А после одиннадцати — подписанный договор».

Лита — золотой ребенок. Почти никогда не капризничает и не просится постоянно на руки, как некоторые малыши в ее возрасте. Пока она играет с кубиками, над которыми раскрываются красочные голограммы, я готовлю кашу, завариваю брул, поджариваю тосты и одновременно читаю договор, быстро вспоминая, почему вчера была так зла на Хороса-старшего.

Настоящий зверь! А еще изверг и... И вообще!